

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 811.161.1

МЫСЛЬ И ЧУВСТВО КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В РУССКОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Л.Р. Ахмерова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается специфика интерпретации семантической оппозиции «мысль – чувство» в гуманитарном дискурсе. Выявляются отличия в реализации данного противопоставления в философском и психологическом дискурсах. Указанный феномен анализируется также в аспекте определения национально-культурной идентичности. Автором описаны особенности лингвистической интерпретации одной из ключевых категорий в построении наивно-языковой модели мира. Приводится наблюдение о том, что семантическая оппозиция «мысль – чувство» в гуманитарном дискурсе может расширяться до многополярной модели и включать другие сопряжённые категории. В заключение делается вывод: более глубокое исследование отношений между полюсами изучаемого многомерного языкового феномена позволяет дать более полное и «многоцветное» представление об интеллектуально-психическом мире человека.

Ключевые слова: мысль, чувство, семантическая оппозиция, гуманитарный дискурс, наивно-языковая картина мира

«Человек – единственное животное, для которого собственное существование является проблемой: её он должен решить и от неё никуда не уйти», – утверждает Э. Фромм [1]. Бесспорно, проблема человеческого существования, связанная с поиском смысла жизни и своего места в мире, издавна вдохновляет людей на научный поиск в области гуманитарного знания.

На данном этапе развития общества антропоцентричность, будучи присущей изначально (по определению) гуманитарным дисциплинам, возведена в Абсолют через провозглашение соответствующей парадигмы, сложившейся во второй половине XX столетия, когда *человек* и *человеческое* с особенной категоричностью определяют основную сферу интересов учёных и вектор развития современной науки в целом.

Мы находим важным оговорить, что феномен антропоцентрической парадигмы в указанных временных рамках является спорным явлением. Так, В.Н. Теркулов вообще подвергает сомнению само понятие научной парадигмы, считая,

что это «ещё одно тёмное и с трудом поддающееся определению теоретическое построение современной гносеологии» [2, с. 74], и формулируется оно, по его мнению, для того, чтобы «обнаружить главное наше отличие, например, от структурализма» [2, с. 75]. Причём исследователь признаёт: отличие это «заключается в том, что в сферу нашего исследования попадает не только и не столько язык, сколько человек – носитель языка». Далее, если исходить из определения Е.С. Кубряковой, согласно которому в рамках антропоцентрической парадигмы «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования» [3, с. 212], нужно признать тот факт, что антропоцентричность – характерная черта гуманитарных исследований, так как, по замечанию В.Н. Теркулова, «антропологический подход к языку составляет основу теорий В. фон Гумбольдта, Х. Штейнталя, В. Вундта, Э. Гуссерля, Л. Вайсгербера, А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и многих других» [2, с. 75].

Из вышеизложенного следует, что антропоцентризм является неизбежным сопровождением любого научного поиска в области гуманитарного знания. Однако, по всей вероятности, этот вектор исследования приобретает особую очевидность начиная со второй половины XX в. и не теряет своей актуальности по сей день. Необходимость искать решения для проблемы человеческого существования является основным стимулятором научных исследований в философии (осмысление человеком своего места в мире и т. п.), психологии (поиск смысла жизни, осознание человеком своего предназначения, личностный рост и т. д.), лингвистике (вопросы языковой ментальности, специфика языковой картины мира, проблемы идиостиля и описание языковой личности и др.). Особая «человекоцентричность» современной науки проявляется также в росте «продуктов» по психологии и философии для массового пользователя, например практические советы по улучшению качества жизни путём решения психологических проблем на основе минимума теоретической информации [4, с. 181]. Таким образом, происходит расширение традиционно узкого круга потребителей гуманитарного знания, которое приобретает всё более прикладной характер.

Процесс решения проблемы собственного существования сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Он познаёт действительность, осознаёт происходящее с ним, вступает во взаимодействие с другими людьми и вещами, рефлексивирует по поводу своей жизни, испытывая при этом широкую гамму движений души, которые затем влияют на его поведение и мышление, осознаются или же являются бессознательным модератором действий, трансформируют сознание и сами могут быть модифицированы под влиянием мыслительных процессов. То есть интеллектуально-духовное измерение человека, исследующего «проблему собственного бытия», – это поток его мыслей и чувств, которые существуют в неразрывной взаимосвязи.

В то же время мысли и чувства – это два полюса интеллектуально-психического мира индивида. Они могут конфликтовать, вызывая внутренние противоречия. Об этом свидетельствует лингвистический материал, в том числе и как источник сведений о наивной психологии, закреплённых в пословичной картине мира русского языка (например, *Ум с сердцем не в ладу* (СД)), а также

в художественной картине мира: «Антитеза “рассудок/сердце” (“разум/чувство”) лежит в основе большинства литературных драматических конфликтов. Непосредственно на этом противоречии строится классицистическая трагедия, где восторжествовать должно разумное начало – долг выше всякого личного переживания» [5, с. 35]. В словаре Ожегова *разум* как ‘способность логически и творчески мыслить’ противопоставлен *чувству*, трактуемому как ‘состояние, в котором человек способен осознавать, переживать, понимать что-нибудь на основе ощущений и впечатлений’ (СО). Согласно «Новой философской энциклопедии» (НФЭ), оппозиция «мысль – чувство» была зафиксирована обыденным сознанием в противоположностях «чувство – разум» и «сердце – голова» (см. словарную статью «Чувственность»). В научно-популярных материалах по психологии «суждение о мире, противоположное *мышлению*», предлагается «называть *чувством*» [6] и т. д.

Итак, очевидно, что можно говорить об общегуманитарном статусе семантической оппозиции «мысль – чувство», поскольку внутренняя, интеллектуально-психическая жизнь человека изучается и в лингвистике, и в литературоведении, и в психологии, и в философии. Принимая во внимание актуальный для современных гуманитарных исследований принцип экспансионизма, мы в данной работе привлекаем материал различных научных дисциплин. Однако, поскольку лингвистическая сторона вопроса является главным направлением нашего исследования, сразу оговорим, что именно поэтому в качестве рабочих терминов выбраны имена существительные *мысль* и *чувство*, каждое из них – ядерная лексема соответствующего семантического поля. Безусловно, невозможно не заметить, что в гуманитарном дискурсе в целом наблюдается большое терминологическое разнообразие в области интересующих нас явлений (*чувственное, разум, рассудок, ум, мысль, сердце, голова* и т. д.).

Кроме того, необходимо отметить, что человеку вообще свойственно интерпретировать действительность с помощью противопоставленных категорий. «Вы никогда не спрашивали себя, почему жизнь соткана из противоположностей? <...> все пространственные категории представляют собой пары противоположностей: верх – низ, внутри – снаружи, высокое – низкое, длинное – короткое, север – юг, здесь – там, левое – правое. Всё, что мы считаем серьёзным и важным, тоже оказывается одним из членов пары: добро – зло, жизнь – смерть, наслаждение – боль, Бог – Дьявол, свобода – рабство.

На языке противоположностей формулируются также наши социальные и эстетические ценности: успех – провал, прекрасное – безобразное, сильное – слабое, умное – глупое. Противоположности лежат в основе даже самых абстрактных отвлечённых форм человеческой деятельности», – пишет К. Уилбер [7].

Однако при этом исследователи отмечают, что дуалистическое, чёрно-белое представление о мире при всём удобстве его использования может быть неполным и не отражает всей палитры интерпретируемых явлений. Так, Л. Уайт замечает, что «незрелый ум, неспособный преодолеть собственные предрассудки... обречён бороться в смиренной рубашке своих дуализмов: субъект – объект, время – пространство, дух – материя, свобода – необходимость, свобода воли – закон. Так истина, которой должно быть единой, оказывается во власти противоречий. Человек не может понять, куда попал, ибо создал *два мира из одного*» (цит. по [7]).

Таким образом, выход за рамки дуалистической концепции, замкнутой на противопоставленности каких-либо полюсов, должен дать исследователю возможность увидеть широкую и многоцветную картину изучаемых явлений. Мы предполагаем, что более глубокое исследование отношений между крайними точками семантической оппозиции «мысль – чувство» в гуманитарном дискурсе может обогатить представление об этих отношениях.

С позиции современной философии *мысль* и *чувство* объективизированы, превращены в самостоятельные, независимые от сознания сущности и представлены в виде основополагающих категорий *чувственное* и *рациональное* (НФЭ). Они противопоставлены в самом общем смысле. В этой связи вся история постижения бытия и жизни путём усмотрения их абсолютной первоосновы, если оперировать словами С.Л. Франка [8], предстаёт как попытка преодоления этого противоречия.

Оппозиция «мысль – чувство» должна рассматриваться прежде всего в аспекте познавательной деятельности. Ср.: «Чувственность как способность человеческого духа воспринимать действительность с помощью органов чувств является условием возможности познавательного и практического отношения человека к миру» (НФЭ). В этой связи важным философским вопросом является достоверность знаний, полученных с помощью органов чувств.

В эпоху Античности, когда мудрецы стремились к постижению законов природы, знания, полученные с помощью органов чувств, считались недостоверными. В ходе развития философии противопоставленность *мысли* и *чувства* реализовалась в виде разных оппозиций. В Средние века, когда на первое место выдвинулся вопрос о способах познания божественного, искомое противоречие приобрело вид «тело – дух», но и здесь мысли отдавалось предпочтение перед чувствами. В Новое время эта оппозиция, будучи основной, расколола философию на сенсуализм и рационализм, который, признавая необходимость наблюдения в познавательном процессе, «отказывает чувственному знанию как случайному и смутному в претензии быть фундаментом знания» (НФЭ). Однако именно в этот период развития сфера чувств заявляет о своей равноправности по отношению к сфере мысли. В XVIII в. чувственное начало получает статус эстетической категории. Способность воспринимать прекрасное была противопоставлена разуму как единственная возможность разграничения хорошего и плохого, а значит, считалось, что только благодаря чувствам человек способен на этические поступки. В то же время именно чувства делают его несвободным, тогда как разум может избавить его от «тирании аффектов» (НФЭ).

Философия И. Канта имеет особое значение при рассмотрении истории развития интересующего нас противоречия, поскольку именно он предпринял попытку примирить *чувство* и *мысль* на основе необходимости признания их взаимозависимости и взаимодействия.

Итак, даже столь краткий экскурс позволяет заключить: базовая оппозиция «мысль – чувство» на всём протяжении развития философии была катализатором научных изысканий, однако примирить окончательно полярные категории в её рамках до сих пор не удалось. Вместе с тем обнаруживаемые с течением времени разнообразные аспекты этих полюсов: *чувство* и *разум*, *субъективное* и *объективное*, *тело* и *дух*, *свобода* и *несвобода*, *бессознательное* и *сознание*,

тело и *разум* и др. – безусловно, обогатили и дополнили интерпретацию семантической оппозиции «мысль – чувство» в гуманитарных дисциплинах. Не менее важно отметить, что в философской традиции сфера мышления представлена несколькими категориями: *рассудок* как начальная, низшая стадия мышления противопоставлялась *разуму* как более высокой познавательной способности (см. в НФЭ словарную статью «Рассудок»).

Мысль и *чувство* являются также значимыми понятиями психологического описания действительности. Заметим, что в психологии искомая оппозиция может расширяться до триады «мысль – чувство – воля» (СПП).

Любопытно следующее: в «Большом психологическом словаре» вокабула «мысль» начинается с лингвистического наблюдения о сочетаемостных свойствах этого слова, даются многочисленные примеры, иллюстрирующие, по мнению авторов, глубинные свойства этого понятия:

«Есть “Великая *мысль* Природы”, есть божественная или боговдохновенная *мысль*, счастливая *мысль*, умная *мысль*. Есть *мысли* сатанинские, тёмные, чёрные, задние. Есть *мысли* ясные, светлые, прозрачные, глубокие и есть вздорные, смутные, туманные, легковесные, мелкотравчатые, приходящие наобум. Есть *мысли* живые, уместные, своевременные и мертворождённые, запоздалые, как сожаления. Есть *мысли* вялые, анемичные, тупые и острые, энергичные, пронизательные. Есть *мысли* высокие, благородные, добрые и есть – низкие, корыстные, злые» (БПС).

Таким образом, выделяются дифференциальные признаки:

- наличие интеллектуальной глубины,
- степень случайности,
- скорость движения,
- происхождение,
- качественная характеристика и т. д.

Далее, определяя *мысль*, авторы «Большого психологического словаря» приводят дефиницию Д. Дьюи:

«В теснейшем смысле *мысль* означает уверенность, покоящуюся на каком-либо основании, т. е. действительное или предполагаемое *знание*, выходящее за пределы того, что непосредственно дано. Оно обозначается как признание или непризнание чего-либо как разумно возможного или невозможного» (БПС).

Признавая, что процесс мышления – это «движение мысли», Б.Г. Мещеряков и В.П. Зинченко тем не менее отмечают сложность её определения и исследования:

«Независимо от её истинности или ложности, *мысль* проявляет себя то в слове, то в образе, то в действии, то в поступке, то во всём этом вместе и ещё в чём-то неуловимом, таинственном, хотя, возможно, именно это неуловимое и есть самое важное и интересное в *мысли*. Едва ли кто-нибудь однозначно ответит на вопрос, что такое *мысль* и как она возникает» (БПС).

Иллюстрируя тезис о сложности рассматриваемого феномена, указанные авторы приводят многочисленные определения *мысли*, принадлежащие учёным и писателям. Наиболее удачно, по их мнению, суждение М.К. Мамардашвили: это «невербальное внутреннее слово», которое «потенциально многоголосно» (БПС). С точки зрения философа, «идеи и средства в ней <мысли> переплетены порой так, что эти термины уже бессмысленно различать» (БПС).

Таким образом, психология констатирует потенциальную неопределимость мысли и призывает к интуитивному постижению этого понятия.

Если говорить о чувствах, то в «Большом психологическом словаре» они представлены как «устойчивые эмоциональные отношения человека к явлениям действительности», отражающие значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами; «высший продукт развития эмоциональных процессов в общественных условиях» (БПС).

В отличие от философской, психологическая интерпретация более детальная: одно и то же чувство может реализоваться в различных (в том числе и противоречащих друг другу) эмоциях, которые являются предшественниками чувств в онтогенезе, так как последние формируются позже – по мере развития индивидуального сознания – под влиянием социальной среды.

Б.Г. Мещеряков и В.П. Зинченко отмечают, что в процессе формирования личности чувства организуются в иерархическую систему, в которой одни играют роль ведущую¹, другие – второстепенную (БПС).

Итак, если в философии противопоставленность *мысли* и *чувства* связана со способом осознания и проявления себя в мире, с исследованием последнего, то в психологическом дискурсе и *мысли*, и *чувства* – это инструменты и продукты внутренней жизни. Коль скоро рациональное и его «представитель» *мысль* с научно-психологической точки зрения с трудом поддаются определению, сфера чувств, напротив, может быть представлена системно в синхронии и диахронии.

С научной точки зрения обе эти области при всей сложности их описания и определения, сопряжённости и связанности в интеллектуально-духовном мире человека вполне чётко дифференцируются и не могут быть отождествлены.

Между тем весьма показательные рекомендации по различению чувств и мыслей мы находим в материалах по популярной психологии, предназначенных для носителей ненаучного представления о мире. Безусловно, внутренняя жизнь человека – это взаимодействие чувств и мыслей, однако рядовым носителям языка свойственно их смешивать и даже ставить между ними знак равенства. «Казалось бы, все так просто и очевидно, однако на практике возникает множество ошибок, непониманий и просто путаница», – замечает Н.И. Козлов в своей статье «Мысли, чувства и ощущения» [9]. Согласно этому автору, «при мысли всегда работает голова», «чувства нередко путают... с интеллектуальной оценкой, но направленность луча внимания и состояние тела почти всегда подскажут... правильный ответ. В интеллектуальной оценке есть только голова, а чувство всегда предполагает тело. Если вы сказали “Я доволен”, но это шло из головы, это была только интеллектуальная оценка, а не чувство. А довольное, на всём дыхании выпущенное от всего пуза “Ну ты паразит!” – очевидное чувство, поскольку – от тела. <...> Если вы заглянули себе в душу и чувствуете в себе чувство – значит, это правда, у вас чувство. Чувства не врут. Однако здесь нужна осторожность – вы не всегда можете быть уверены, какое конкретно у вас чувство. То, что иногда переживается человеком как определённое чувство, может им и не быть, может быть чем-то другим... Чтобы люди в чувствах

---

¹ Среди таких можно назвать *страсти* – сильные, долго длящиеся чувства, выражающиеся в направленности помыслов и сил на единую цель.

не путались, чтобы одно чувство люди не принимали за другое и меньше придумывали чувства там, где их на самом деле нет, сочиняя рэкетные чувства, многие психологи предлагают словарь настоящих чувств и методику их распознавания. Итак, как же коротко определить чувства? Чувства – это образно-телесная интерпретация кинестетики. Это кинестетика, оформленная в живые метафоры. Это живое, пришедшее к нам из нашего тела. Это язык, на котором говорит наша душа» [9].

Неразличение чувств и мыслей – явление нередкое, о чём свидетельствует представленный выше материал. Он также подводит к ещё одной трудности современного человека – проблеме «психологической грамотности», от которой напрямую зависит здоровье человека. К сожалению, глоссарий среднестатистического носителя языка, как правило, не отражает всего богатства и сложности его душевной жизни, поэтому собственные переживания не могут быть адекватно осмыслены или интерпретированы в последующем поведении. К примеру, авторы словаря «Тысяча состояний души» зафиксировали многообразную палитру (см. ТСД), тогда как люди, не связанные с филологией или психологией, часто определяют одобные «движения» только как *хорошее* или *плохое* [4, с. 181; 10, с. 168]. Одна проблема, словом, накладывается на другую, поэтому порядок в собственном внутреннем мире становится навести ещё сложнее.

Очевидно, что представленная специфика реализации семантической оппозиции «мысль – чувство» в философском и психологическом аспектах дополняет и обогащает «чёрно-белое» представление о противопоставленности полюсов. Далее, если обратиться к культурологическому материалу, можно заметить: особая семантическая нагрузка, «предпочтение» того или иного предела может стать своеобразным маркером национально-культурной идентичности (напомним, что в философии вопрос о предпочтительности одного из полюсов решался с позиции процесса познания или этики). Так, для определения самобытности русской культуры необходимо было решить вопрос об интуитивной или рациональной природе истинной веры. Он занимал важное место в произведениях А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др. (см., например, романы «Преступление и наказание»² или «Воскресение»³).

По мнению Е.А. Поляковой, в определении культурной идентичности России мы видим ту же семантическую оппозицию «мысль – чувство». «Противопоставление разума и чувства, ума и сердца, холодной рациональности и тёплой доверчивости, представление о том, что вера открыта только чувствам, глубоко уходит корнями в русскую культуру, – пишет исследователь. – Противопоставление это окрашено красками славянофильства и всей той критики Запада, которая характерна для русской религиозной философии» [11, с. 36]. Предпочтение одной из полярных категорий рассматриваемой нами семантической оппозиции, как видим, принципиально при определении природы истинной веры.

Как известно, славянофильство и западничество – это «традиционная рамка для описания русской истории, общественной мысли и идеологической борьбы» [12, с. 6]. Сторонники славянофильства говорили об особом пути и роли России,

² http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml/.

³ http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0090.shtml/.

её оппозиционности Западу и западной культуре, придавали большое значение древнерусской истории и роли православия. Так, П.В. Киреевский противопоставлял «присущую православному христианству “полноту”» одной стороне, рассудочной, замкнувшейся в рамках абстрактно-логического подхода культуре Запада» (цит. по [13, с. 63]). Со славянофильской точки зрения, российская культура может считаться «культурой души» (вспомним тютчевские строки: *Умом Россию не понять...*⁴).

Западники, в свою очередь, говорили о необходимости развития России по западноевропейскому пути. Д.С. Лихачёв отмечал, что «русская культура должна принадлежать к культуре европейской, которая является культурой универсальной, способной хранить опыт и культурные традиции разных народов мира, усваивающей лучшие стороны культур человечества. Их объединяют такие черты, как терпимость к иным взглядам, личностный характер, свобода» [14, с. 45]. В этой связи не можем не привести позицию О.А. Седаковой. По представлению этого автора, русская культура «то и дело претендует на то, чтобы говорить о чём-то помимо разума или даже вопреки разуму, чтобы довериться “сердцу”, чувству, интуиции» (цит. по [11, с. 37]). «Расхожее мнение, что вера открыта только чувствам, тогда как разум представляет собой источник безбожия, О. Седакова противопоставляет слова Пушкина “Ум ищет божества, а сердце не находит”, – отмечается в рецензии на книгу «Апология разума» [11, с. 37]. Несмотря на натянутость некоторых толкований современного исследователя, критик вынужден согласиться с тем, что «пушкинское “Да здравствует разум!” звучит неожиданно в контексте русского подозрения против рационального начала» [11, с. 39]. Мы же, возвращаясь к теме исследования, заметим: рациональное начало присутствует в культуре русской, так же как и западной.

Таким образом, можно сделать вывод, что живая ткань культуры разрушает схематичность, и, если рассматривать её в более широком ракурсе, чем противостояние славянофильства и западничества, нельзя не увидеть диалектическое единство-противоречие ментального и чувственного начал.

Наконец, перейдём к рассмотрению вопроса о том, как семантическая оппозиция «мысль – чувство» интерпретируется в языке.

Некоторые исследователи русского языкового сознания считают: наивно-языковые представления о внутренней жизни человека отражаются рядом ключевых оппозиций, среди которых и «сердце – ум». Так, *голова, ум, разум, рассудок* – «представители» начала ментального; *сердце, душа, чувство* – эмоционального [15, с. 85]. Кроме того, отмечается, что отношения внутри оппозиции могут складываться по-разному. По словам Е.В. Урысон, с одной стороны, разум призван контролировать сердце (ср.: *Его сердце послушно разуму*), хотя в целом «жизнь *сердца* неподвластна законам логики» (ср.: *Сердцу не прикажешь*) (цит. по [15, с. 91]). В то же время возможна и ситуация, когда «не только *разум* не контролирует чувства, но, напротив, чувства берут верх над разумом, так что человек действует как бы в состоянии аффекта. Тогда говорят: *кровь бросилась в голову*, – кровь выступает в роли средства, позволяющего *сердцу* одержать победу над *разумом*» [15, с. 91].

⁴ <http://rupoem.ru/tyutchev/umom-rossiyu-ne.aspx/>.

Важно отметить, что словарь антонимов, помимо «привычной» оппозиции «сердце – голова», в русском языке фиксирует такие противопоставления, как:

- *бесчувственность – чувство*,
- *рассудок – страсть*,
- *разум – инстинкт*,
- *разум – безумие (СА)*.

Это наблюдение выявляет также другие противоположные категории и делает представление об интеллектуально-психической сфере человека многополярным.

Суждения о *мысли* и *чувстве* в русском языке находят соответствующее выражение в виде двух семантических полей – поля ментальности и поля чувств и эмоций. «В центре ментального поля в русском языке находятся глагол *думать* и существительное *мысль*, – пишет В.Г. Гак, – при этом мы отмечаем лексический супплетивизм центрального элемента» [16, с. 22]. В центре поля чувств и эмоций находятся слова *чувствовать* и *чувство*.

Противопоставленность базовых элементов этих полей не очевидна. Так, *чувствовать* имеет, помимо прочих, значение ‘понимать, осознавать’ (ТС), то есть это уже сфера мышления. Контекстуальное значение ‘мысль’ может приобретать лексема «ощущение», имеющая основное значение ‘состояние, чувство, впечатление’: *У меня такое ощущение, что меня обманывают*. Вероятно, в данном случае можно говорить о явлении семантического синкретизма, поскольку даже говорящий не сможет точно определить, чего в его ощущении больше – «думания» или «чувствования». Примечательно в этой связи то, что в античной философии толкование термина *чувство* подразумевало широкий круг значений:

«Чувство, душевное состояние, способность ощущения, восприятие, ум, здравый смысл, настроение (Цицерон); смысл или значение слова (Овидий); мысль, понятие, идея (Веллий Патеркул)» (САФТ).

Этимологически *думать* соотносится в славянских языках с семантическим комплексом ‘думать, говорить, мечтать’ (ЭСРЯ, т. 1, с. 552); *чувствовать* восходит к общеславянскому ‘чувствовать, слышать, понимать’, ‘охранять, стеречь’ (ЭСРЯ, т. 4, с. 377). По мнению М. Фасмера, праславян. *čuti родственно др.-инд. *kaviṣ* ‘ясновидец, мудрец, поэт’ (ЭСРЯ, т. 4, с. 390). (Здесь можно увидеть соответствие философскому пониманию природы чувственного познания.)

Базовое значение последнего глагола – ‘воспринимать действительность с помощью органов чувств’ (ТС). Между тем важно заметить, что, по материалам «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (СД), как и «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, производное от него *чувствование* маркирует определённые каналы восприятия: слух, обоняние и вкус (*чувствовать* можно *запах, вкус*); *чувствовать* также синоним глагола *слышать*. Неохваченным остаётся канал визуального восприятия. Однако нельзя не отметить, что в некоторых случаях таковой соотносится с работой мышления: *Я вижу (знаю, понимаю), что надо делать; ты видишь, почему я так поступил*.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Семантическая оппозиция «мысль – чувство» является значимой для гуманитарного дискурса в целом.

2. Стереотипное контрастное наивно-психологическое представление об *уме* и *сердце*, которые часто «не в ладу», при более подробном изучении может быть обогащено и дополнено.

3. В философском дискурсе противопоставленность *мысли* и *чувства* связана со способом осознания и проявления себя в мире, а также с исследованием последнего.

4. В психологии *мысли* и *чувства* – субъекты внутренней жизни. Проблема их различия существует в практической психологии, пытающейся активно помочь человеку сохранить душевное равновесие.

5. Предпочтение того или иного полюса семантической оппозиции «мысль – чувство» может стать своеобразным маркером национально-культурной идентичности, коль скоро формирует сферы человеческой деятельности (культуры) с доминантой «сердца» или «разума».

6. Противопоставление чувства и мысли является одним из ключевых в наивно-языковой модели мира, причём существуют разные сценарии развития отношений внутри оппозиции.

7. Семантическая оппозиция «мысль – чувство» в гуманитарном дискурсе может расширяться до многополярной модели и включать другие сопряжённые категории.

8. Представления о *мысли* и *чувстве* в русском языке находят соответствующее выражение в виде двух семантических полей – поля ментальности и поля чувств и эмоций, однако противопоставленность базовых элементов этих полей не очевидна.

9. Лексикографический материал позволяет выявить связь мысли и чувства с определёнными каналами восприятия.

Источники

- БПС – Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/12.php, свободный.
- НФЭ – Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Гл. ред. В.С. Стёпин. – М.: Мысль, 2000. – URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/browse/CL1>, свободный.
- СА – Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М.: АСТ-пресс, 2007. – URL: <http://web-corpora.net/wsgi/antonyms.wsgi/antonyms>, свободный.
- САФТ – Словарь античных философских терминов (по книге): [Степанова А.С. Философия Древней Стои. СПб., 1995]. – URL: <http://terme.ru/slovari/slovar-antichnyh-filosofskih-terminov.html>, свободный.
- СД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – URL: <http://slovardalja.net/>, свободный.
- СО – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Аз, 1996. – URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26157>, свободный.
- СПП – Головин С.Ю. Словарь практического психолога. – Минск: Харвест, 1998. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=10340>, свободный.
- ТС – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – URL: <http://gramota.ru/slovari/>, свободный.

- ТСД – *Летягова Т.В., Романова Н.Н., Филиппов А.В.* Тысяча состояний души: Крат. психол.-филол. слов. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 424 с.
- ЭСРЯ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – Т. 1: А–Д. – 588 с.; Т. 2: Е–Муж. – 671 с.; Т. 3: Муза–Сят. – 830 с.; Т. 4: Т–Ящур. – 860 с.

Литература

1. *Фромм Э.* Кто есть человек? (Из книги «О любви к жизни»). – URL: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/fromm_who_is_human.html, свободный.
2. *Теркулов В.И.* Антропоцентрическая парадигма: что было? что будет? // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2012. – № 5. – С. 74–84.
3. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 144–238.
4. *Ахмерова Л.Р.* Способы вербализации душевного состояния в психотерапевтическом дискурсе // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 6. – С. 180–187.
5. *Дмитриева Н.Л.* Рассудок против сердца: «Опасные связи» Шодерло де Лакло и «Адольф» Бенжамена Констанана // Все истины мира: Разум в литературе и искусстве: Сб. ст. – СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2016. – С. 35–42.
6. Наглядно-образное и абстрактно-логическое в психике // Психотипология. Модель Валерия Савельева. – URL: <http://psychotypology.vg-saveliev.ru/psihotipologiya-saveleva/5-naglyadno-obraznoe-i-abstraktno-logicheskoe/>, свободный.
7. *Уилбер К.* Никаких границ: восточные и западные пути личностного роста. – URL: <http://psylib.org.ua/books/uilbk01/txt02.htm>, свободный.
8. *Франк С.Л.* Философия и религия. – URL: <https://azbyka.ru/filosofiya-i-religiya>, свободный.
9. *Козлов Н.И.* Мысли, чувства и ощущения. – URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/myslizpt_chuvstva_i_oschuscheniya, свободный.
10. *Ахмерова Л.Р.* Наивно-психологическое представление о гневе в русской языковой картине мира // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 6. – С. 167–175.
11. *Полякова Е.А.* Апология критики. Отклик на книгу Ольги Седаковой «Апология разума» // Нов. филол. вестн. – 2012. – № 3. – С. 36–43.
12. Круглый стол «Славянофильство и западничество сегодня» // Стратегия России. – 2015. – № 1. – С. 6–24.
13. *Бажов С.И.* «Русская идея»: учения о культурной самобытности в философской мысли России XIX века // История философии. – 1998. – № 2. – С. 58–68.
14. *Лихачёв Д.С.* Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
15. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. — М.: Яз. славян. культур, 2012. – 696 с.
16. *Гак В.Г.* Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 22–29.

Поступила в редакцию
23.05.17

Ахмерова Лилия Ренадовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: lavolkins15@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 5, pp. 1187–1199

Thought and Feeling as a Semantic Opposition in the Russian Humanities Discourse

A.R. Akhmerova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: lavolkins15@mail.ru

Received May 23, 2017

Abstract

The paper deals with the specifics of interpretation of the semantic opposition *thought – feeling* in the Russian humanities discourse. The research aims to show the complexity and ambiguity of personal conceptualization of the relationship between the components of the opposition under study on the basis of various humanities disciplines, as well as the naive world view. The author assumes that going beyond the dualistic concept should give the researcher an opportunity to see a broader and more multicolored image of the phenomena being studied.

It has been found that the philosophical opposition *thought – feeling* was a catalyst for scientific philosophical research, while various aspects of these polar categories (sense and reason, subjective and objective, body and spirit, etc.) were important in different periods of the development of philosophy. In psychology, the sphere of reason and feelings are also clearly differentiated. The problem of distinguishing between thought and feeling arises in the naive psychological world view.

It has been emphasized that the interpretation of the opposition *thought – feeling* can be a marker of cultural identity. The specificity of Russian culture occurs in its dialectical unity-contradiction of the mental and sensual principles.

The paper describes the features of linguistic interpretation of the opposition *thought – feeling*, which is one of the key ones in the structure of the naive linguistic model of the world. It has been revealed that the polarity of *thought – feeling* is not obvious from the linguistic point of view.

In general, it can be concluded that the study of the relations between the poles of the semantic opposition under study favors a more complete and “multicolored” idea of the intellectual-mental world of persons. The semantic opposition *thought – feeling* in the humanities discourse can expand to a multipolar model and include other conjugate categories.

Keywords: thought, feeling, semantic opposition, humanities discourse, naive linguistic world-view

References

1. Fromm E. Who Is Human? (From the Book “For the Love of Life”). Available at: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/fromm_who_is_human.html. (In Russian)
2. Terkulov V.I. Anthropocentric paradigm: What happened? What will happen? *Kognitsiya, Kommunikatsiya, Diskurs*, 2012, no. 5, pp. 74–84. (In Russian)
3. Kubryakova E.S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (an attempt of the paradigm analysis). *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science in the Late 20th Century]. Moscow, Ross. Gos. Gumanit. Univ., 1995, pp. 144–238. (In Russian)

4. Akhmerova L.R. The basic ways of verbalization of psychological condition in psychotherapeutic discourse. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2010, vol. 152, no. 6, pp. 180–187. (In Russian)
5. Dmitrieva N.L. Reason against heart: “Dangerous Liaisons” by Choderlos de Laclos and “Adolphe” by Benjamin Constant). *Vse istiny mira: Razum v literature i iskusstve* [All Truths of the World: Reason in Literature and Art]. St. Petersburg, Tver, Izd. Mariny Batasovoi, 2016, pp. 35–42. (In Russian)
6. Psychotypology. Valerii Savel’ev’s Model. *Naglyadno-obraznoe i abstraktno-logicheskoe v psikhike* [Visual Imaginative and Abstract Logical Phenomena in Psychology]. Available at: <http://psychotypology.vg-saveliev.ru/psihotipologiya-saveleva/5-naglyadno-obraznoe-i-abstraktno-logicheskoe/>. (In Russian)
7. Wilber K. No Boundary: Eastern and Western Approaches to Personal Growth. Available at: <http://psylib.org.ua/books/uilbk01/txt02.htm>. (In Russian)
8. Frank S.L. Philosophy and Religion. Available at: <https://azbyka.ru/filosofiya-i-religiya>. (In Russian)
9. Kozlov N.I. Thoughts, Feelings, and Sensations. Available at: http://www.psychologos.ru/articles/view/myslizpt_chuvstva_i_oschuscheniya. (In Russian)
10. Akhmerova L.R. The idea of anger in naïve psychology represented in the Russian linguistic worldview. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gymanitarnye Nauki*, 2009, vol. 151, no. 6, pp. 167–175. (In Russian)
11. Polyakova E.A. Apology of criticism. A response to Olga Sedakova’s book “Apology of Reason”. *Novyi Filologicheskii Vestnik*, 2012, no. 3, pp. 36–43. (In Russian)
12. Round Table Conference “Today’s Slavophilism and Westernism”. *Strategiya Rossii*, 2015, no. 1, pp. 6–24. (In Russian)
13. Bazhov S.I. “Russian idea”: Studies on the cultural identity in the philosophical thought of Russia during the 19th century. *Istoriya Filosofii*, 1998, no. 2, pp. 58–68. (In Russian)
14. Likhachev D.S. Russian Culture. Moscow, Iskustvo, 2000. 440 p. (In Russian)
15. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. The Constants and Variables of the Russian Linguistic World View. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul’tur, 2012. 696 p. (In Russian)
16. Gak V.G. Logical Analysis of Language. Mental Activities. *Prostranstvo mysli (opyt sistematisatsii slov mental’nogo polya)* [The Space of Thought (An Attempt to Arrange the Words of the Mental Field)]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 22–29. (In Russian)

Для цитирования: Ахмерова Л.Р. Мысль и чувство как семантическая оппозиция в русском гуманитарном дискурсе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1187–1199.

For citation: Akhmerova L.R. Thought and feeling as a semantic opposition in the Russian humanities discourse. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1187–1199. (In Russian)